

Наш герой — человек мозаичный. Лучший закадровый, рекламный телеголос страны. Популярный сериальный актер («Петербургские тайны», «Пятый угол», «Нехт», «Азazel»). Ведущий исторических циклов на канале «Культура». Старожил Ленкома, дождавшийся наконец своих ролей. Писатель: книги «Незначительные изменения», «Человек-поезд», к концу этого года обещает дописать роман «Антология неприятностей Антона Вернера». В августе творческий многогранник Чонишвили отметил свое сорокалетие.

— Сергей, вас можно назвать счастливым. Переехав в Москву из Омска в 16 лет, в «Шуку» поступили с первого раза, потом сразу же влились в труппу Ленкома...

— Каждого более или менее состоявшегося человека можно по фактажу назвать удачливым. Он ведь чего-то добился. Естественно, в биографиях вряд ли будут писать, что к 20 годам сыр я видел пару раз в жизни и как два года мои друзья подшучивали надо мной: мол, Сережа зашел к нам на огонек, пора уходить... Хотя в то время я уже работал в Ленкоме. Работал, кстати, в массовке, на сцену как полноценного актера меня вывели, мягко говоря, не сразу.

— Вы говорили, что в детстве не вылезали из театра, но за кулисами проводили не так уж много времени.

жилищные условия? Был полностью отдан театру, возможность сниматься в кино исключалась изначально. Тут не то чтобы квартиру в Москве купить, даже «однушку» на пару с другом снять было проблематично. Жить на чужих — милое дело, которое у меня, правда, затянулось.

— В кино вам открыл путь Карен Шахназаров, и он же вам его сильно ограничил.

— Ну, можно сказать и так. Где-то в середине 80-х я пробовался у него на главную роль в фильме «Курьер». Не знаю, хорошо ли я справился, но Шахназаров меня не утвердил, потому что, по его словам, у меня «старый циничный глаз». Может, поэтому с тех пор зри-

Сергей Чонишвили:

Остаюсь в Ленкоме из-за собственного идиотизма

— Ну, я не был фанатом с самого рождения. Мои родители — театральные актеры, иногда мне приходилось ездить с ними на гастроли. Но делал я это с неохотой. Мозги у меня резко повернулись в пятом классе, когда я заявил: «Хочу быть актером!» Вот с той самой поры я из театра и не вылезал. Когда в Омск приезжали такие же, как и наш, провинциальные театры, я ходил на все спектакли. Когда я попал в Москву, каждый вечер опять же проводил в театре. А на сцену впервые вышел в 13 лет в спектакле «Беседы при ясной луне» по Шукшину. Точно помню, что это произошло 13 июня во время гастролей Омского театра в Одессе.

— В столице вы живете с 1982 года, но полноправным москвичом стали только четыре года назад...

— Ну да, я не один год жил на девяти метрах общежития. А как я мог исправить свои

тели и знают меня в основном по ролям мерзавцев.

— Вы не один раз сетовали на свое положение в Ленкоме, но остаетесь ему верны. Что вам мешает перейти в другой театр?

— А я всем напрямую говорю: из-за собственного идиотизма! Отлично понимаю, что никогда не встану в один ряд с солистами Ленкома, что мой предел там скорее всего уже достигнут, что я из тех, кого, извиняюсь, трахают, но мало что дают взамен. Но пока я еще более-менее могу там как-то существовать, я никуда не уйду. Вот такой вот бред...

— В спектакле «Псих», поставленном Андреем Житинкиным в «Табакерке», вы сами исполняли джазовые номера на фортепиано?

— Да, за мной было около десятка «живых» номеров. В принципе джаз — это то музыкальное направление, которое всегда, в любой момент подходит под мое настроение. Види-

мо, оказалось то, что я «выходец из интеллигентной семьи». Опять же, в порядке бреда: меня приучили и к хорошему чтению, и к хорошей музыке.

— Слышала, вы до сих пор можете ездить в метро.

— Могу, конечно, а что в этом такого? Каждый, кто жил в Москве хотя бы больше недели, поймет, почему. Во-первых, это существенно экономит время в час пик, а во-вторых, у нас такие дороги, что мне иногда, ей-богу, страшно садиться за руль. Вообще, у меня очень мало звездных атрибутов. Недавно купленный скромный автомобиль, недавно купленная маленькая «двушка»... На виллу и кабриолет я своим актерством что-то не заработал.

— Вы ни разу словом не обмолвились о личной жизни. Считаете, что не стоит пиариться таким образом?

— А я вообще считаю, что пиариться не стоит, начнем с

этого. Обычно я ограничиваюсь фразой: «Личная жизнь у меня не страдает». Я плохо понимаю, что могут дать зрителю имена женщин, с которыми я спал. Хотя, наверное, когда рядом со мной будет женщина, которая полностью меня устроит, я с гордостью буду рассказывать о ней каждому.

— К чему вы сейчас стремитесь после того, как перешагнули сорокалетний рубеж?

— Я надеюсь, что проживу как минимум еще столько же. Вообще, думаю, что я еще не полностью раскрылся. Так бывает. Звезды-одногодневки вмиг получают все, но через пару лет о них либо не вспомнят вообще, либо просто улыбнутся: мол, да, был, кажись, такой. А я иду ко всему медленно, но верно. Стать с годами более интересным хотя бы в творческом плане есть все шансы.

■ Мария Нагибина.

фото Владимира Чистякова

Чонишвили Сергей

31.08.05